

В. А. Янчук

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНО- ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА МЕТОДА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается проблема метода в психологическом исследовании в контексте постмодернистской социокультурно-интердетерминистской перспективы позиционирования в предмете психологии. Предлагается конструктивная критика позитивистской исследовательской методологии. На основе анализа существующих в современном психологическом знании подходов обосновывается принципиальная невозможность нахождения единственно верного универсального решения. Приводится сопоставительный анализ количественных и качественных методов психологического исследования с акцентом на фиксацию их исследовательского потенциала и ограничений. Обсуждается проблема соотношения итики и имики в психологическом исследовании. Описываются особенности методологической триангуляции как пути интеграции потенциала количественных и качественных методов. Предлагается авторская модификация интегративной эклектики путем триангуляции. Обосновывается идея, определяются пути и средства повышения экологической валидности посредством итико-имического сопряжения коллективной и индивидуальной культуры. Показывается перспектива использования диалогических методологий.

Ключевые слова: диалогическая методология, имика, значение, интегративная эклектика путем методологической триангуляции, интроспекция, итика, метод исследования, качественные методы, количественные методы, методологическая триангуляция, методология первого лица, методология второго лица, методология третьего лица, номотетика, переживание, предмет психологии, постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива.

Проблема метода исследования в психологии, начав приобретать новое содержание в 1980-1990-е гг., вновь актуализировалась в начале третьего тысячелетия. В наиболее рельефной форме она проявляется при обсуждении необходимости «оживления» психологии, отказа от методов, разработанных для анализа неживой природы, господствующих в естествознании, и перехода к методам, учитывающим специфику «живой сущности» человека, став предметом специального обсуждения на Ярославском методологическом семинаре 2004 г. [7]. Обоснование методологических оснований такого рода прозрения было представлено нами в серии акцентированных публикаций [10-15], в которых

показывается процесс «крушения иллюзий» в отношении возможности нахождения универсальных методологий и методов постижения сущности психики посредством выявления универсальных законов ее функционирования в контексте модернистской культурно-научной традиции [10-12]. Там же обосновывается полезность использования понятия культурно-научных традиций, отражающих историко-культурную динамику трансформации представлений о природе сущего от модернистского универсализма к постмодернистскому многообразию, предполагающему развитие диалога разновзглядья как механизма углубления познания, в частности, смены логики «или/или» на логику «и/и».

Историческая ретроспектива проблемы метода исследования показывает, что еще в далеком 1884 г. В. Дильтей критиковал экспериментальную психологию своего времени за копирование естественно-научной модели и редукционизм в объяснении мыслительной активности [2]. Дискуссии по этому поводу то затихают, то вспыхивают с новой остротой на протяжении последних десятилетий. В основании такого рода дискуссий, на наш взгляд, лежит извечная мечта психологов добиться таких же успехов в постижении закономерностей психической активности, каких добилось естествознание в изучении неживой природы.

На наш взгляд, понимание сути обсуждаемой проблемы невозможно без обращения к ее онтолого-эпистемологическим основаниям, что было сделано нами в ряде специальных работ применительно к существующему психологическому многообразию решений в рамках различных систем парадигмальных координат [12-13]. Наконец, нахождение оптимальных решений предполагает помещение проблемной области в контекст предмета самого психологического знания, постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива позиционирования в котором представлена нами на страницах первого номера журнала «Методология и история психологии» в 2006 г. [15]. L.M. Osbeck отмечает в этой связи, что «критическая рефлексия метода является существенным компонентом любых усилий артикулирования параметров подразделов или поддисциплин психологии, принципиально посвященных теоретическим задачам» [33, с. 56].

Исходя из определения предмета психологии как «бытия-в-мире самости как биопсихосоциальной социокультурно-интердетерминированной многомерной сущности во взаимодействии с социальным и физическим окружением в рационально-иррационально-экзистенциальном измерении» [15, с. 204], мы формулируем

и требования как к методологии, так и к совокупности методов психологического исследования. Речь может идти только о совокупности, т.к. различные их вариации (количественные и качественные и т.п.) основываются на различных онтолого-эпистемологических основаниях и отличаются качественно в зависимости от типа исследуемой реальности или измерения (рационально-иррационально-экзистенциальное; биологическое-символическое-рефлексивное), в идеале изучаемых лишь посредством комбинирования и последующего интегрирования разнокачественных данных. С.А. Yauch и Н.Ж. Steudel подчеркивают, что «различие между количественными и качественными методами имеет место на двух уровнях. Первое, оно используется для различения двух типов данных или реальностей. Количественные данные являются "числами", собранными посредством наблюдений или использования техник измерений. Качественные данные являются "словами", собранными посредством интервью, фокус-групп, включенных наблюдений или связанных методов. Второй уровень отличий значительно шире; количественные и качественные методы представляют два полностью отличных типа исследовательских парадигм» [41, с. 466].

Следует отметить, что, начиная с 1970-х гг., у исследователей так называемой «новой волны» возникает все больше сомнений в реальности решения обсуждаемой проблемы с чисто позитивистских оснований, предполагающих отношение к любым данным, не подлежащим операционализации и верификации, как к ненаучным. Н. Coolican в этой связи задает вполне резонный вопрос: «Если мы проводим исследование, предполагающее высоко контролируемые процедуры и точные количественно определяемые переменные, что рекомендуется в подавляющем большинстве учебников, не получим ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно

бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?» [21, с. 170].

Р. Нагге делает вывод о том, что ортодоксальные (позитивистские) методы исследований оказались совершенно не применимыми ко многим психологическим феноменам и областям исследований, в частности, социальной психологии [26]. Искусственность экспериментальных социально-психологических исследований предопределяется, прежде всего, тем, что в условиях как лабораторного, так и естественного экспериментов практически невозможно в первом случае «очистить голову» испытуемых от «побочных» мыслей, а во втором - наблюдателю освободиться от собственных проекций при реконструировании контекста происходящего, формирующегося у наблюдаемых.

Не вдаваясь в детали эволюции представлений о методе исследования, описанной нами в специальной работе [10], с определенной долей условности можно выделить своеобразное триадическое движение - от «методологии первого лица» (first person methodology), или интроспекции, через «методологию третьего лица» (third person methodology), или экстраспекции, к методологии «второго лица» (second person

methodology), или диалогической методологии, - представленное на рисунке.

Обозначенная триада являет собой поиск оптимального сочетания уже рассматривавшейся проблемы субъективного и объективного в понимании социальной природы человека. Необходимость нахождения такого оптимума обусловлена тем, что как только мы избираем в качестве приоритета субъективные описания (по существу, единственный источник знаний о внутренних переживаниях человека), возникает проблема доказательности и однотрактуемости предлагаемого знания. Как только исследователь дистанцируется от субъективных переживаний, полагаясь на «объективные» данные эксперимента, теряется связь с реальностью, что создает основания для «научной предубежденности», обусловленной влиянием избранной системы парадигмальных координат, исследовательской методологии и способа интерпретации данных. Обращение к статистическому анализу не решает проблемы, т.к. на «сухом» языке цифр нельзя отразить всего многообразия человеческих переживаний по причине отсутствия непосредственного доступа к внутреннему миру человека и, следовательно, точности измерений.

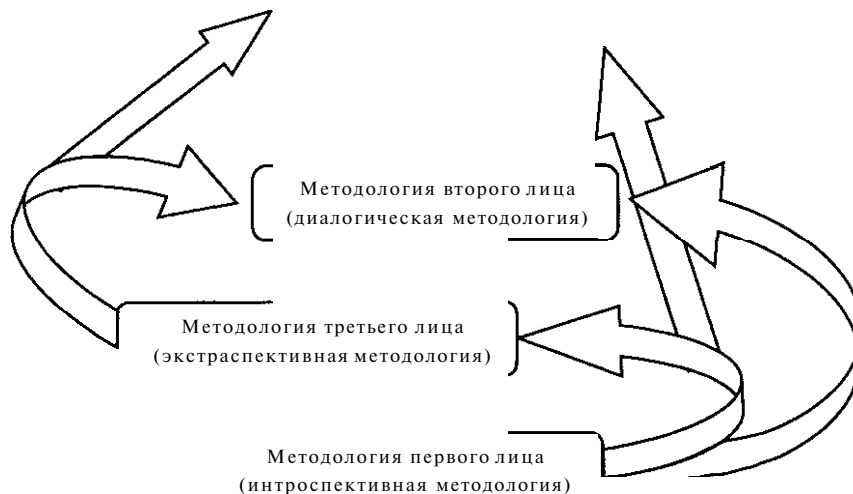

Рис. Эволюция исследовательских методологий в социальной психологии

Причина такого рода балансирования очевидна - сложность и многоаспектность человеческой природы, представляющей собой сочетание биологического, символического и рефлексивного начал еще и в рационально-иррационально-экзистенциальном измерениях, каждое из которых обладает своей уникальной спецификой и требует соответствующей исследовательской методологии. В качестве компромисса выступает методология второго лица, предполагающая уяснение адекватности полученного знания путем диалога с изучаемыми людьми как носителями непосредственных жизненных переживаний. Но как только включается такого рода диалог, появляется проблема двоичной субъективности исследуемого и исследователя, что обуславливает необходимость включения механизмов рефлексии и объективного анализа.

В современной психологии представлено много авторских попыток классификации методов. Наиболее широкая классификация методов предполагает подразделение всего их многообразия на два больших класса, основывающихся на качественно различающихся методологиях, - количественные и качественные. Отличительной особенностью первых является обязательное измерение и выражение результатов в количественных показателях, создающее основание для однотрактуемости или объективного описания. На практике это выражается в жестком структурировании процесса исследования. Количественные методы направлены на установление того, что представляют исследуемые процессы, как часто они происходят и какое количественное выражение они имеют на протяжении времени. В целом они направлены на выявление повторяемостей или номотетического аспекта социальной феноменологии. Эти методы доминируют в классической психологии.

Качественные методы, получившие наибольшее распространение в постнеклассической социальной психологии,

описывают то, какие именно процессы происходят и как, акцентируя внимание на особенностях их проявления во времени. Являясь менее строгими, они позволяют выявить уникально-специфические характеристики изучаемых явлений или их идиографию. В целом они направлены на выявление идиографического аспекта социальной феноменологии.

В современной социальной психологии обе группы методов рассматриваются как взаимодополняющие друг друга и помогающие преодолеть естественные ограниченности возможностей. Сама констатация факта наличия ограничений как у количественных, так и у качественных методов ставит вопрос об их научной ценности. С точки зрения классической науки этот вопрос правомерен, с точки зрения неклассической и постнеклассической - нет. Причем данный вывод касается не только социальной психологии, но и естественных наук, в рамках которых осознается искажающая роль опосредующих доступ к изучаемой реальности приборов, да и самих исследователей, обладающих известной долей теоретической и личностной предубежденности как в сборе, так и в интерпретации полученных данных.

Очевидно, что каждая из групп методов обладает и плюсами, и минусами, теоретически дополняя возможности друг друга. Тем не менее проблема их соотношения и возможностей комбинирования является заслуживающей более детального обсуждения. Ряд исследователей рассматривают количество и качество как фундаментальную дихотомию в исследовании социальной феноменологии, по отношению к которой существуют три возможных решения: 1) признание количественных измерений единственно научными, т.к. только при их наличии возможно оперировать «объективными» данными по аналогии с естественными науками (позитивизм); 2) вывод о том, что

количественные измерения не применимы к психологической феноменологии в принципе, т.к. измеряемы лишь косвенные проявления психики в виде поведенческих реакций (социальный конструктивизм); 3) компромисс, позволяющий использовать продуктивные возможности как количественных, так и качественных данных (методологическая триангуляция).

Ряд авторов придерживаются мнения, что конфронтация количественного и качественного подходов является искусственной, т.к. на деле они представляют два подхода к изучению одних и тех же феноменов, две стадии одного и того же процесса исследования, в котором качественный подход поставляет идеи, изучаемые в последующем посредством количественного подхода. Требование надежности исследовательских результатов сводит на нет изучение необычных или исключительных человеческих переживаний, в то время как поиск генерализируемых правил приводит к созданию нормативных методов, в свою очередь сводящих на нет возможности изучения уникальных для данной личности переживаний. Валидность переопределяется самоустраивающимся образом, делая акцент на сравнение новых методов с предустановленными критериями и тем самым снижая возможность соотнесения изучаемого поведения с его проявлениями в условиях повседневной жизни.

Попытки привлечения компьютерного моделирования к исследованию психологической феноменологии опять-таки приводят к неудаче. Блестящая имитация все равно не походит на реальность. Как подчеркивает D.E. Polkinghorne: «Наша виртуальная реальность создана биологической природой, культурой и языком, в которые мы вплетены. Не существует машин, способных проверить валидность наших переживаний. На наши переживания нельзя полагаться как на репрезентирующие реальность, точно так же, как наши размышления не являются зеркалом по-

рядка реальности. У нас нет надежных эпистемологических оснований для построения наших знаний. Наши переживания всегда фильтруются интерпретативными схемами» [35, с. 149]. Так как эта фильтрация неизбежна, то становится невозможной точность количественных показателей реальности в силу недоступности подхода к ней объективно измеряющими средствами.

Анализируя соотношение объективистски ориентированных количественных и субъективистски ориентированных качественных методов, представители новой парадигмы указывают на следующие моменты: во-первых, при использовании количественных методов человек исследуется вне социального контекста, без присущих ему связей с другими; во-вторых, исследуемое поведение отличается от естественного, т.к. действия испытуемого строго ограничены и даже заранее обусловлены, он не может планировать и реализовывать свое поведение, как это происходит в обычных условиях. Кроме того, моделируемые явления настолько узки, что вряд ли они встречаются в таком виде в реальной жизни [22].

Было бы большим преувеличением говорить о триумфе качественных методов в психологических исследованиях. Как отмечают I.Holloway и L.Todres, практика проведения качественных исследований ставит ряд вопросов [27, с. 355]:

- Находятся ли исследуемые феномены в центре внимания при выборе подхода?
- Дополняют ли избранный подход сбор данных, формирование выборки и процедуры анализа?
- Дают ли исследования тот вид знания, в котором результаты и их представление соответствуют целям исследования?
- Делает ли исследователь эксплицитно вывод о том, что исследовательские фазы являются соответствующими общим параметрам и организации исследования?

Трансформация сознания психологов-профессионалов, специализирующихся на количественных методах, вооруженных инструментарием статистического анализа, формирует естественные барьеры на пути переоценки ценностей. Тем не менее изменения в психологиче-

ской ментальности очевидны, как очевидна и другая крайность - игнорирование продуктивных возможностей количественных методов. Сравнительная характеристика специфики, возможностей и ограничений анализируемых методов представлена в таблице.

Таблица

Сравнительная характеристика специфики, возможностей и ограничений количественных и качественных методов

Характеристики, ассоциируемые с подходом	Методы	
	Количественный	Качественный
Информация	Объективная	Субъективная
Характеризующие понятия	Экспериментальный, количественные данные, статистика	Описательный, естественный, словесно-ориентированный
Ключевые понятия	Переменные, операционализация, надежность, гипотезы, валидность, статистическая значимость, повторяемость	Значение, понимание здравого смысла, процесс, социальное конструирование, темы, правдоподобность
Организация	Структурированные, преддetermined, формальные, специфические, детализированный план операций	Включенные, гибкие, общие, согласованные, чувствительные к продолжению
Примеры	Большие, многослойные, контрольные группы, строгие, произвольный выбор, контроль за побочными переменными	Небольшие, теоретические примеры, целевые примеры, предполагающие возможность включения как можно большего числа контекстов
Техники или методы	Эксперимент, структурированное интервью, квазиэксперимент, структурированное наблюдение, ряды данных, тесты	Наблюдение, включенное наблюдение, изучение документов и артефактов, неструктурированное интервью
Данные	Количественные, операционализированные переменные, квантифицируемое кодирование, статистические, подсчитываемые	Описательные, обыденная речь, личные документы, полевые заметки, артефакты, официальные документы, аудио- и видеозаписи, стенограммы

Характеристики, ассоциируемые с подходом	Методы	
	Количественный	Качественный
Инструменты и средства	Опросники, описания, шкалы, тестовые показатели, компьютеры, индексы	Аудио- и видеопленки, воспроизводящие устройства, записи, часто единственным инструментом является сам исследователь
Анализ данных	Дедуктивный, статистический, имеет место по завершении сбора данных	Индуктивный продолжающийся, моделирование, тематический, понятийный, метод сравнительных констант
Внутренняя валидность	Высокая	Низкая
Условия	Искусственные	Реалистические, естественные
Схема	Структурированная	Неструктурированная
Реализм	Низкий	Высокий
Конструктивная валидность	Высокая	Низкая
Надежность	Высокая	Низкая
Проблемы применения	Контроль других переменных, задающий характер подхода, валидность	Временная затратность, нестандартизованность процедуры, надежность

Из таблицы видно, что у обоих типов методов есть уязвимые места, ограничивающие возможности психологического исследования. У количественных методов они проявляются в ограниченности возможностей по отношению к изучению феноменологии жизни человека в его иррационально-экзистенциальной феноменальности. В традиционном социально-психологическом разрезе эта проблема рассматривается в аспекте соотношения внешней и внутренней перспектив. Сегодня утверждается, что исследователь и исследуемое взаимозависимы, и постижение субъекта возможно только с позиций взаимогенерации знаний, а не «холодной» нейтральности или дистанцирования от изучаемого,

что предполагается позитивистской методологией. Становится очевидно, что феномен человека не может полностью контролироваться или быть изолированным, как это предполагается в экспериментальном исследовании. Исключая качественные методы, исследователи могут упустить многие феномены социальной сущности человека, которые могут быть поняты только в контексте обстоятельств. Как отмечают N. Pidgeon и K. Henwood, «если исследователь стремится к пониманию участия человека в социальном мире, он обязан быть вовлеченным в теснейшую проверку того, как этот мир воспринимается глазами самого участника - с его феноменальной и социальной перспективами» [34, с. 249].

В то же время, исключая причинные взаимосвязи между переменными, устанавливаемые посредством количественных методов, а также квантификацию и анализ этих переменных для определения статистической вероятности, мы можем столкнуться с отсутствием какого-либо осязаемого результата вообще. Более того, не полагаясь на количественную определенность, мы лишаемся возможности сравнения как исследуемых феноменов, так и изучаемых характеристик человека или конкретного сообщества людей. Другое дело - проблема критериев и способов соотнесения их друг с другом, что особенно остро стоит в кросскультурных исследованиях.

Количественное исследование стремится к идентификации и обособлению определенных переменных (поиск корреляций, взаимоотношений, причинности), в то время как качественное фокусируется на холистическом подходе к исследованию (анализ документов, изучение случая, наблюдение, интервью). Вместе они дополняют друг друга, оставляя нераскрытым фундаментальный вопрос, связанный с разграничением их компетенции. По-видимому, создаваемые на данном основании оценочно-сравнительные системы координат должны восприниматься как относительные и требующие, во-первых, постоянного уточнения в связи с изменениями в историко-культурном контексте, во-вторых, адаптации к конкретной культуре и субкультуре, как обладающими собственной итикой и имикой, обуславливающими своеобразие мира смыслов и значений, определяющих понимание происходящего и отношение к нему, к тому же востановленными в бытие-в-мире, т.е. экзистенциально переживаемыми.

Осознание ограниченности попыток углубления психологических представлений в рамках одного из полюсов исследовательской дихотомии количественное -

качественное стимулировало поиск поля возможных решений, предпринимаемых в психологии, социологии, антропологии и т.п. При внешней простоте решения в виде простого механического объединения или интегративной эклектизации продуктивных возможностей данных двух групп методов оно сталкивается с рядом объективных сложностей: нахождением механизмов сопряжения разнокачественных подходов; переводом «живых», эмоционально и экзистенциально окрашенных, холистических и поточно-процессуальных переживаний на «препарированный», «сухой», дискретный, статичный язык количественных данных.

Все попытки решения этой непростой проблемы с определенными оговорками сводятся к трем вариантам:

1) нахождение дополнительных ресурсов расширения и углубления возможностей количественных методов при признании их единственно научными;

2) нахождение дополнительных возможностей расширения и углубления возможностей качественных методов, сопровождаемое обоснованием их научности;

3) нахождение так называемого третьего пути (методологическая триангуляция), интегрирующего возможности количественных и качественных методов, сопровождаемое обоснованием путей и механизмов их интеграции.

Не останавливаясь на первых двух, мы больше внимания уделим третьему, практически не известному отечественному читателю. Несмотря на существующее многообразие способов комбинирования количественных и качественных методов, J.C. Greene и V.J. Caracelli предлагают пять их возможных сочетаний [24]:

1. Триангуляция, предполагающая проверку согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов.

2. Взаимодополнение, предполагающее прояснение и иллюстрацию результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.

3. Развитие результатов, полученных методами одного класса, результатами, полученными методами другого класса.

4. Инициация новых исследовательских вопросов или изменение результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.

5. Экспансия, предоставляющая обогащение и детализацию исследуемого явления с использованием специфических качеств методов разных классов.

Одной из наиболее распространенных разновидностей подобного комбинирования, поддерживаемой большинством исследователей, является методологическая триангуляция. В современной психологии под триангуляцией понимается «использование данных, собранных из различных источников различными методами, различными исследователями и, по возможности, всеми триангуляционными техниками, обладающими необходимой надежностью» [37, с. 404]. Такое определение позволяет схватить все многообразие авторских версий и смыслов, вкладываемых в данный подход, его ограничения и возможности.

По мнению ряда авторов, комбинирование качественных и количественных методов, получившее название третьего пути, приводит к единению преимуществ обеих методологий, и как следствие - более надежным данным. Минимизируется неадекватность отдельных методов, что в итоге приводит к высокой внутренней надежности. J. Bradley подчеркивает в этой связи, что «крайне желательно в интересах методологического плюрализма исследовать основоположения всех исследований в контексте их полезности для понимания конкретной исследовательской проблемы. Активное обсуждение того, что мы знаем, в свете того, как создается наше

знание, может только расширить наше понимание» [17, с. 448].

В.J. Breitmaier считает [18, с. 195], что «триангуляция комбинирует независимые и взаимодополняющие методы для:

- улучшения описания исследуемых процессов или процесса;
- идентификации хронологии событий;
- предоставления оснований для очевидности внутренней валидности;
- подтверждения или валидации результатов исследования;
- для понимания и контекстуальной репрезентации результатов исследования феномена».

При относительно не зависимом друг от друга сборе и оперировании данными они сопоставляются в завершение каждого исследовательского цикла для формулирования новых гипотез, проверки выводов, их коррекции. J. Morse [32] предлагает подразделять методологическую триангуляцию на одновременную и последовательную. Первая предполагает параллельное использование количественных и качественных методов, вторая - их последовательное использование, при котором полученные при посредстве одной методологии данные используются для последующего привлечения альтернативной методологии.

Первым шагом применения триангуляции является детерминация специфической и исследовательской проблемы. Подобное имеет место в случае перехода от индуктивно построенной теоретической конструкции к эмпирически подтверждаемой дедуктивной конструкции. E. Mitchell [30] утверждает, что триангуляция дает возможность подвижности и глубинности, которой лишены отдельные методы. Для обеспечения эффективности следует соблюдать следующие требования:

- четкое определение исследуемого вопроса;

- компенсация сильных и слабых сторон каждого из методов продуктивными возможностями друг друга;

- пригодность избранных методов для исследуемого феномена;

- продолжающаяся циклическая оценка продуктивности и валидности используемого подхода.

Продуктивность методологической триангуляции была подтверждена и в ряде других исследований. М.Е. Duffy, например, приводит ряд преимуществ использования методологической триангуляции [22]:

- используемая концептуальная структура, предоставляющая теоретическую базу исследования, может целиком или частично основываться на результатах качественных исследований;

- в областях, в которых были получены пересекающиеся результаты, отдельные качественные данные могут быть верифицированы посредством количественных;

- качественные данные, полученные в процессе интервью или наблюдения, могут быть использованы в качестве основания для отбора единиц или индикаторов при последующем создании исследовательских инструментов, ориентированных на получение количественных данных;

- внешняя валидность эмпирически генерированных конструктов может быть достигнута в результате использования интервью или наблюдения: там, где имеют место возможные рассогласования, могут быть применены пилотажные исследования, создающие основания для выявления слабостей и неадекватных интерпретаций тестируемых индивидов;

- уточнение неопределенных и провокационных ответов опрашиваемых может быть достигнуто посредством перепроверки в полевых условиях;

- количественные данные могут предоставлять информацию об исходных не-

точностях в концептуальных построениях исследователя, не предусмотренных им ранее;

- использование обзорных количественных данных по всем предусмотренным аспектам исследования может способствовать корректировке качественного исследования, проводимого на репрезентативной группе испытуемых;

- использование количественных оценок может корректировать «холистические ошибки» (представления исследователя о полной конгруэнтности всех аспектов данной ситуации, при том что представления самого исследователя могут оказаться следствием уже сформировавшегося взгляда). Одновременное использование количественных инструментов может помочь верификации наблюдений, полученных в процессе неформального полевого наблюдения.

В то же время методологическая триангуляция приводит к снижению внутренней валидности результатов исследования. К проблемным вопросам исследования, построенного на методологической триангуляции, относятся следующие:

- Как комбинировать цифровые, лингвистические и составные данные?

- Как интерпретировать дивергентные результаты цифровых и лингвистических данных?

- Что делать с пересекающимися концептами данных, сложно отделяемыми друг от друга?

- Когда и как оценивать вес полученных данных?

- При каких условиях различные методы могут рассматриваться как одинаково чувствительные и равновесные?

Триангуляция не является панацеей от всех сложностей социальных исследований. Тем не менее многими авторами она рассматривается как компромиссное решение, способное максимизировать сильные и минимизировать слабые стороны каждого отдельного подхода. Она

способствует углублению исследования и развитию знаний о феномене, может приводить к открытию парадоксов и противоречий как теоретических построений, так и эмпирических выводов, полученных в рамках традиционного количественного подхода к исследованию психологической феноменологии. А.А. Вгуман [19] называет ее технической версией количественно-качественных дискуссий. Он указывает, что количество и качество не представляют несоизмеримых парадигм вообще, а всего лишь методологии, избираемые по принципу наибольшей пригодности к изучению определенного класса проблем.

Авторские разработки в данной области проводятся в аспекте повышения продуктивности количественных и качественных методов в отдельности и оптимального сочетания их в целях более глубокой информации об изучаемом явлении. Преимущества использования смешанной методологии в исследованиях вполне убедительно показаны в ряде прикладных исследований. G. Tsourvakas [40] выделяет следующие:

- качественные методы, особенно наблюдение или неструктурированное интервью, позволяют исследователю разработать целостный «портрет» исследуемого субъекта, что особенно важно для начальной стадии исследования;
- количественный анализ более пригоден для изучения поведенческих или описательных компонентов;
- описательный анализ способствует выделению репрезентативных примеров для последующего качественного исследования;
- использование качественных методов позволяет исследовать непредвиденное развитие событий;
- количественный анализ может дополнять результаты качественных открытий, показывая степень их распространения;

- количественный анализ может подтверждать (или опровергать) кажущуюся (или реальную) значимость полученных результатов;

- количественные методы имеют значительно более низкую объяснительную ценность, качественные дают основания для более глубокого объяснения изучаемого феномена.

Как отмечает С. Robson, «не существует правила, предопределяющего использование одного метода в исследовании. Использование более чем одного метода в исследовании может давать существенные преимущества и в то же время с неизбежностью увеличивает время исследования, т.к. нам никогда не удастся получить результатов, на которые не оказывал бы влияния метод их получения, единственной возможной стратегией является использование многообразия методов» [37, с. 290]. Он очерчивает ряд возможных плоскостей продуктивного использования методологической триангуляции. Вместо того чтобы сосредоточиваться на отдельном исследовательском вопросе, они (множественные методы. - В.Я.) могут быть использованы для адресования различным, но взаимодополняющим вопросам для усиления взаимоиентерпретируемости, доступа к достоверности угроз валидности результатов первичных исследований. Эта тактика особенно часто применяется в случае квазиэкспериментальных исследований.

К числу наиболее известных разработок относятся подход с позиций обоснованной теории и sensemaking (создание смысла). Общим для обоих является наличие исследовательской спирали, предполагающей уточнение исследователем смыслов, которыми оперирует информант в форме диалога, направленного на формирование разделяемого поля значений между исследователем и исследуемым.

Однако и эти исследовательские методологии обладают рядом вполне естественных ограничений:

- огромные объемы информации, подлежащей анализу;

- неопределенность вопроса о том, сколько срезов и в какой последовательности необходимо для схватывания смыслов;

- произвольное формирование определенной структуры межличностных взаимоотношений между участниками исследования, повышающими возможность субъективной интерпретации.

Некоторые исследователи утверждают, что проблема заключается не в нахождении методов сопряжения количественных и качественных методологий исследования. А.А. Вгуман [19] считает подобную постановку вопроса неверной в принципе. По мнению G. Morgan и L. Smircich, «проблема стоит в плоскости поиска механизмов сопряжения разных парадигмальных координат и сопутствующих им методологических, эпистемологических и онтологических оснований» [31, с. 494], что резонирует с идеями, лежащими в основании развиваемого нами на протяжении ряда лет интегративно-эклектического подхода к анализу социально-психологической феноменологии [10]. N.W.H. Blaikie считает, что «комбинирование методов, основанных на различных теоретических основаниях, невозможно в принципе» [16, с. 134]. При внешне кажущемся радикализме представленных суждений есть в них один крайне важный аспект: соотнесение или сопряжение методов, адресованных разным типам реальности, и самих этих реальностей в их проявлении исследователю и наблюдателю.

В контексте уже обсуждавшегося переосмысления предмета психологии проблема метода исследования не сводится только к нахождению оптимальных оснований сочетания количественных

и качественных методов исследований. Она гораздо шире - в сопряжении качественно отличных человеческих природ - биологической, символической и рефлексивной вихрационально-иррационально-экзистенциальных измерениях [15], каждая из которых требует и адекватных исследовательских методологий. Мы можем по-разному комбинировать количественные и качественные методы, используя различные процедуры методологической триангуляции и не добиваться углубления представлений, т.к. возникает проблема их адекватности по отношению к изучаемым реальностям или человеческой природе.

Уже из классической психологии известно различие первой и второй сигнальной систем, качественно отличных физиологической и символической форм активности, наконец, активности рефлексивной, ставшей предметом рассмотрения психологов лишь совсем недавно. Сегодня проблема соотношения биологической, символической и рефлексивной природ человеческой активности стала полем поиска не только теоретических, но и методологических решений.

Наиболее разработанную теоретическую модель соотношения названных природ предлагает R. Stevens [39], разработавший тримодальную теорию оснований человеческой активности. Автор подчеркивает, что надо иметь в виду очень различающиеся оценочные критерии, требуемые этими различными эпистемологиями и, соответственно, социально-психологическими традициями, которые с ними связаны. В номотетическом измерении, используемом для исследования биологических оснований действий, критическим вопросом является «проверка истинности». Хороши ли предсказания теории? Является ли понимание, сформированное теорией, валидным? Когда мы перемещаемся к герменевтическим стратегиям, вовлеченным

в символическую, второсигнальную область, мы нуждаемся в прояснении любого анализа или прикосновений, которые мы делаем: оценки того, насколько эффективно они репрезентируют систему значений (представлений, чувств и т.д.), на которой они фокусируются. Мы нуждаемся в познании того, что наше описание «схватывает смысл» того, что делает информант, что он чувствует и думает, а также в формировании некоего осмысления самих себя в аспекте его сходства с описаниями, которые может давать своим переживаниям сам информант. Критерии определения валидности в этом случае не будут столь внушающими доверие или откровенными; они будут скорее включать оценки правдоподобности и соответствия и будут освобождены от необходимости выводов о природе и основаниях человеческих переживаний и действий. По отношению к трансформационной эпистемологии, соответствующей третичному уровню - рефлексивности, мы сами становимся субъектами «проверки истинности», сопровождая ее еще более сложными вопросами, связанными с осознанием того, что часто мы говорим не то, что люди являются такими и способны делать то-то, а что они способны быть такими и делать это; таким образом, призывы к реальности могут оказаться не решающими. То, что поставлено на карту на третичном уровне, не может быть более точным, а, скорее, возможным или желательным [39, с. 82].

Обсуждение трех модальных типов оснований человеческих действий в контексте их качественного различия и целесообразности использования не снимает вопроса о нахождении иной методологической триангуляции, строящейся на принципе многомерности, предполагающем привлечение возможностей не только качественных и количественных методов исследования, но и отличающихся теоретических подходов и традиций.

Основание для таких поисков предлагает интегративная эклектика, предполагающая многоплоскостной, многомерный, разновекторный анализ, создающий возможность качественно иного инсайтирования, рассмотрение аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена [10].

Наличие единых сопрягающих оснований по измерению системообразующих дихотомий (оппозиций): количественное - качественное и идиографическое - номотетическое, биологическое - символическое - рефлексивное, рациональное - иррациональное - экзистенциальное обусловлено тем, что при всем понимании ограниченности, а зачастую и объективной неадекватности количественного подхода к описанию и объяснению живого, пульсирующего социального бытия личности и ее окружения, необходимо наличие систем, пусть и относительных, грубых, сравнительного соотнесения людей друг с другом, т.е. нахождения номотетики (общего, характерного для всех людей) и итики (общего для всех культур). Эти сопоставительно-сравнительные системы координат должны варьироваться от уровня индивидуальной культуры с доминированием идиографии (уникально специфичного, отличающего данного человека от других людей) и имики (культурно специфичного, отличающего данную культуру от всех других) до уровня общечеловеческой культуры, с доминированием номотетики и итики.

В своей практической конкретизации этот подход предполагает использование позитивистски ориентированных методов на уровне выявления номотетических и итических особенностей; герменевтически ориентированных методов на уровне идиографических и имических особенностей; рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования - на уровне отстраненного анализа субъективности и предубежденности.

На уровне биологической номотетики существенна роль внутренней и конструктивной валидности, на уровне символической идиографии — экологической валидности, на уровне рефлексивной идиографии и номотетики — критической рефлексии, достигаемой посредством рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования.

В рациональном измерении также велика роль номотетически ориентированных или количественных методов, в измерениях же иррациональном и экзистенциальном — методов радиографических или качественных. Причем в отношении последних речь идет преимущественно о феноменологических и диалогических методологиях, позволяющих приблизиться к пониманию жизненных переживаний в их вотканности в реальное бытие-в-мире при посредстве механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии или вчувствования и сопереживания.

Наиболее полное постижение такой идиографии в ее экзистенциальной феноменальности достигается методом типа *sensemaking* (создание смысла) и подхода обоснованной теории, ориентирующихся на схватывание динамики значений. Еще большими возможностями в схватывании глубинных смыслов и переживаний человека обладают техники, наработанные в рамках психоанализа и феноменологии, ориентированных на скрупулезное постижение эмоционального поля человека. Наконец, рефлексивный уровень постижения сущности бытия продуктивно схватывается средствами рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования.

В свете изложенного поиск дополнительных ресурсов углубления понимания социально-психологической феноменологии смещается с отстраненного «объективного» описания в сторону выяснения специфики внутренних переживаний и их динамики, т.е. развития. Понимание

этого процесса становится невозможным вне контекста культурно-исторической детерминированности (Л.С. Выготский) и диалогического характера познания и понимания (М.М. Бахтин). В контексте рассуждений Э. Кассирера центральной категорией социально-гуманитарного знания должны стать символические значения, а не стимулы и реакции и непосредственно наблюдаемое поведение. Значения не транслируются в раз и навсегда заданном содержании, они формируются во взаимоотношениях, опосредованных культурой и субкультурой. Уровень общего взаимопонимания обеспечивается наличием согласованных общекультурных словарей, включающих описание наиболее существенных характеристик представляемого аспекта реальности, как своеобразный общий ориентир. Но наличие общего представления не дает необходимой детализации и конкретизации, осуществляемых на субкультуральном и индивидуальном уровнях. Именно на последних и осуществляется реализация познаваемого объекта в понятный и конкретный образ или представление, понятное на уровне здравого смысла и включенное в индивидуальную картину или образ мира, образующих мировоззрение и представление о самом себе. Такого рода трансформация и индивидуальная адаптация становится возможной только в процессе многочисленных прояснений и детализаций общего представления в межличностной коммуникации на уровне субкультуры. Без детализации и конкретизации невозможно включение понятия об объекте в активное взаимодействие с окружающим физическим и социальным миром, т.е. его осознание.

Язык приобретает способность к значению во взаимоотношениях между людьми, в которых они устанавливаются, уточняются и развиваются. Любой, в том числе и научный дискурс, возникает в сообществе пользователей языка, и каждое такое сообщество, как и отдельный

индивид, привносят в его содержание свое индивидуально специфичное значение, понятное преимущественно членам этого сообщества, которые обладают общим опытом жизненных переживаний. Но даже в рамках наиболее близкого сообщества не существует тождественности систем значений, т.к. каждый индивид привносит в него свою собственную уникальность, без приближения к осознанию которой невозможно понимание и взаимопонимание. Согласованный характер значений определяет их новый порядок, порождающий новые формы активности. Так как значения формируются во взаимоотношениях, «приспосабливаясь» к условиям координации взаимодействия, они всегда открыты для изменений. Любое взаимодействие создает условия для уточнения и изменения существующих значений, что приводит к генерированию их нового порядка.

Таким образом, первичным условием углубления понимания социальной феноменологии является идентификация индивидуальных опытов жизненных переживаний, лежащих в их основании систем значений и их устойчивости, глубинности, предполагающих диалогическое уточнение в процессе формирования разделяемого поля значений, формируемого и развивающегося в межличностном взаимодействии исследователя и респондента. Дж. Шоттер, анализируя подход диалогичности лингвистической коммуникации М.М. Бахтина, отмечает в этой связи: «Поскольку человек никогда не может в полной мере оказаться на месте другого (не потеряв при этом своего собственного), двое собеседников никогда не могут вполне понять друг друга; они лишь частично оказываются удовлетворены взаимными репликами. Каждое высказывание вызывает отклик. Таким образом, творческое преодоление каждой "пропасти" вызывает нужду в дальнейшем отклике, и лингвистическая цепь остается

ненарушенной. Предметом изучения как раз и является то, что обсуждаемое или выясняемое значит для нас как для индивидов, участвующих во множестве различных диалогов» [8, с. 107]. Следовательно, и понимание также носит диалогический характер. Значение не схватывается, не отражается, а формируется и уточняется в диалоге участвующих в процессе взаимного познания и понимания людей, трансформируясь в смысл. Таким образом, исследования социально-психологической феноменологии должны перемещаться в плоскость значений смыслов, иррациональных интерпретаций, мотивов и побуждений, наконец, экзистенциальных переживаний субъекта с учетом их многомерности, гетерогенности и социокультурной интердетерминированности, постигаемых только и через посредство диалога и сопереживания. Следовательно, и методологии, ориентированные на понимание и взаимопонимание, должны быть диалогическими и экзистенциально-феноменальными по своей сущности.

В процессе диалога происходит проникновение в суть транслируемых при посредстве знаков и символов значений и смыслов, проникновение в которые сопряжено с преодолением целого ряда методологических, технических и методических сложностей, связанных с их социокультурной интердетерминацией, что убедительно показано в исследованиях кросскультурных психологов [6]. Значения не являются однозначными и статичными - они создаются и со-конструируются в диалоге, а также уникально переживаются, что формирует проблему нахождения баланса итического (культурно-общего) и имического (культурно-специфичного). По существу, происходит текстуализация предмета психологического знания в силу опосредованное™ доступа к психической, символической и прочим типам реальности текстовыми описаниями информантов. Традиционный структуралистский

лингвистический, психосемантический, герменевтический, семиотический и т.п. анализ текстов исходит из идеи исходной эквивалентности (статичности) значений, что рассогласовывается с реальностью, т.к. последние не только не эквивалентны в итико-имическом контексте не только на социально-групповом, но и на индивидуально-личностном уровнях, а также не статичны, текучи, что ставит проблему нахождения принципиально новых методологических решений.

Сопоставление текстовых описаний субъективной реальности ставит проблему разработки общих схем кодирования, применимых ко всей выборке, выявленную S. Harkness с соавторами по результатам кросскультурного исследования представлений родителей и детей об особенностях воспитания [25]. Авторы использовали адаптированный подход, сходный с современными психолексическими исследованиями личностных характеристик Saucier и Goldberg [37], исходящий из идеи о том, что: а) степень репрезентации атрибута в языке соответствует общей значимости атрибута; б) слова для значимых фенотипических атрибутов появляются и сохраняются в процессе их частого использования; в) описания личности в фразах и предложения тесно связаны с теми выражениями отдельных слов, которые часто выявляют комплексные идеи, обычно выражаемые в предложениях.

Итико-имический контекст языковой репрезентации психологической реальности ставит «проблему нахождения языковых эквивалентов» [25, с. 70]. В разных культурах существуют отличающиеся интерпретации одних и тех же терминов и ситуаций. Наши исследования показывают необходимость исходного учета активных словарей информантов, определяющих специфику миро- и самоописаний информантов, причем, как на уровне групповой, так и индивидуальной культуры, требуя скрупулезной предварительной работы по

определению сходства и различия используемых в описаниях значений и переживаний информантов. Любая стандартизация в этом вопросе приводит к потере имики, которая во многих случаях является крайне важной. Именно это обстоятельство обуславливает рост популярности различных форм слабоструктурированного интервью в социальной психологии, исходно предполагающих длительное обучение интервьюеров оперированию приблизительно совпадающими системами значений, что обеспечивает их адекватное кодирование [36]. В одном из такого рода исследований более 200 интервьюеров в течение полугода обучались навыкам сходного кодирования, получаемого в процессе слабоструктурированного интервью содержания [36]. Обеспечение такого рода языковой эквивалентности тем более важно, что, как показали Nisbett и Wilson, во «многих (если не в большинстве) областях индивиды не осознают своих собственных психологических процессов. Например, если участнику исследования предлагается разрешить гипотетические моральные дилеммы, они с готовностью отвечают о содержании собственных моральных решений (т.е. что является правильным в дилемме), но они не способны дать характеристику мыслительного процесса, который привел их к данному заключению. Наконец, участники исследования могут просто никогда не задумываться об оцениваемом конструкте с точки зрения самоанализа» [36, с. 287].

Продолжая эту логику рассуждений, следует отметить, что у многих информантов в их активном языке просто нет слов, выражающих или описывающих изучаемое явление, что говорит об отсутствии возможности вынесения какой-либо адекватной оценки в отношении предлагаемого конструкта. Тем не менее практика показывает, что они с готовностью выносят оценки в отношении данного «неведомого» конструкта, которые

впоследствии берутся исследователем как его объективные характеристики. Что на самом деле значат эти оценки в реальности, неведомо ни одной из участвующих сторон. Следовательно, необходимым условием любого метода исследования является предварительная работа по обеспечению именно экологической валидности как группового, так и индивидуально-личностного уровня, что становится возможным посредством выяснения историко-имического содержания культуры, в свою очередь проявляющегося в активных словарях, используемых информантом в повседневной практике, содержании и объеме значений, переживаний, связанных с теми или иными событиями, и т.п. При отсутствии этого формируется некая абстрактно-универсальная характеристика, репрезентирующая все что угодно, но не реальность, представленную в сознании человека, на основании которой он строит свое взаимодействие с миром и относится к самому себе. Причем своеобразие этой реальности определяется индивидуальной культурой, включающей язык, ценности, нормы, переживания, наконец, отработанные способы реагирования, незнание которых приводит к соотносению условно несоотносимого.

Понимание того, что на уровне индивидуальных сознаний содержательные характеристики языка также различаются, отражаясь на значениях, приписываемых транслируемым в процессе взаимодействия знакам, возникает проблема нахождения языковых эквивалентов в контексте исторического и истического аспектов используемых терминов [25, с. 70]. Только нахождение языковых эквивалентов может обеспечить необходимый уровень взаимопонимания участниками исследования друг друга, создавая более основательные посылки для адекватного или экологического описания изучаемой реальности. В этом случае исследование начинает обретать характер со-исследования, проводимого

на диалогическом основании. Оно должно предполагать активный, субъект-субъектный характер взаимодействия исследователя и исследуемого, направленного на взаимопояснение адекватности сформированного поля значений и переживаний. Причем оно должно превращаться во взаимоисследование интерактивного свойства, в котором каждая из участвующих сторон может преследовать разные цели и решать разные задачи. И если они начинают носить согласованный характер, то резко увеличиваются возможности расширения и углубления представлений о сути и природе изучаемого феномена и, как следствие, его понимания. S. Harkness с соавторами отмечают, что «обсуждение, открытое и демократическое по стилю, вместо формального, предоставляет возможности дополнительного развития, создавая чувство сопричастности в исследовательском процессе всех вовлеченных сторон, что является очень важным для кросскультурных проектов» (и не только. - В.Я.) [25, с. 70].

Первыми попытками такого рода исследований, относимых К.Ж. Gergen к диалогическим методологиям, являются *нарративная методология, многоголосые и совместные исследования* [23]. Первая ориентирована на самоописание. Сегодня она достаточно многообразна. Самоописание (автобиографии, рассказы и т. п.) дополняются уточнениями и интерпретациями авторов, а также рефлексиями о точности их понимания исследователем. Одна из особенностей этой методологии состоит в том, что при исследовании измерения «коллективизм - индивидуализм» (изменение, введенное Хофстидом для сравнения кросскультурных особенностей) статистические сравнения центральной тенденции заменяются подробными описаниями того, что различные взаимоотношения означают для представителей разных культур, времен и народов. Эти исследования показывают наличие

выраженных субкультуральных различий в, казалось бы, гомогенных культурах.

Многоголосое исследование основывается на идее читательского прочтения результатов исследования. Так как и исследователь, и исследуемые представляют собственную интерпретацию происходящего, находясь под влиянием собственных предубеждений, то выход видится в том, что общее заключение предоставляется читателю этих текстовых описаний. Поэтому в итоговый отчет включаются описания явления и его интерпретации всеми участвующими сторонами. Один из примеров использования этой методологии - работа П. Лейза и К. Смизис «Сопереживая с ангелами» (цит. по [23]), в которой описаны личные переживания женщин, больных ВИЧ-инфекцией, и то, как эти переживания отражаются на их мировосприятии. Понимание того, что человек, не болеющий ВИЧ-инфекцией, просто не в состоянии понять специфики жизненных переживаний больного, обуславливает максимальное использование их собственных самоописаний, сопровождаемых внешней оценкой. Отдельный раздел книги посвящен собственным переживаниям исследователей, имевшим место в процессе исследования. Кроме того, в книге содержатся результаты академического исследования, а также комментарии к прочитанному всех участвующих сторон.

Совместные исследования исходят из принципа открытости изучаемых паттернов многообразным культурным традициям и альтернативным интерпретациям. Разделяя общую идею многоголосого исследования о том, что максимальным доступом к переживаемой реальности обладает только сам ее переживающий, последователи этой методологии пытаются демонтировать исследовательскую иерархию, заменив традиционную автономию исследования новыми формами, ориентированными на сотрудничество.

Исследователь вооружает исследуемых соответствующими инструментами и средствами анализа, консультирует их, получая описания с внутренней перспективы. Параллельно он проводит и собственное исследование. Наиболее известным примером такой методологии является исследование совместных действий, при котором исследователь реагирует на запросы исследуемых и помогает им применять различные инструменты для достижения поставленных целей.

Использование диалогических методологий, по крайней мере, позволяет приблизиться к пониманию уникально специфического (имического) аспекта социальной феноменологии. Полагание только на универсальное, общеприсущее (итическое), т.е. количественное, в исследованиях приводит к огрубленному универсальному описанию и объяснению, не дающих понимания природы проявления феноменов экстремального, девиантного поведения, сопровождаясь слишком абстрактным их толкованием. Свойственное универсалистскому подходу оперирование общекультурным контекстом в интерпретации социальной феноменологии сталкивается с его несоответствием с субкультуральным, имическим и индивидуальным контекстом, роль которых в интерпретации происходящего его участниками недооценима, т.к. именно они в существенной степени определяют субъективную интерпретацию и, соответственно, способ реагирования. Таким образом, возникает проблема нахождения оптимальных сочетаний названных контекстов в их отношении к анализируемому ситуативному контексту. Это тем более очевидно, что даже на уровне анализа текста необходимым условием его понимания является привязка к конкретному контексту, которая и обеспечивает ограничение спектра возможных интерпретаций из существующего континуума значений.

Выводы

1. Углубление постижения сути психологической феноменологии, определяемой границами бытия-в-мире самости как биопсихосоциальной социокультурно-интердетерминированной многомерной сущности во взаимодействии с социальным и физическим окружением в рационально-иррационально-экзистенциальном измерении, предполагает привлечение комплекса разнокачественных и разноуровневых методов исследования.

2. Оптимальную перспективу сочетания возможностей количественных и качественных методов исследования представляет методологическая триангуляция в рациональном измерении и интегративная эклектика путем триангуляции в случае иррационально-экзистенциального измерения.

3. Диалогическая сущность личности предполагает использование диалогических методологий, позволяющих превратить процесс психологического познания в интерактивное созидание, направленное на углубление взаимопонимания всех участвующих в исследовании сторон, взаимообогащающих друг друга новыми ракурсами видения и переживания проблемной области и совместно конструирующих само- и миропонимание.

Литература

1. Гудвин С. Д. Исследование в психологии: методы и планирование. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003.
2. Дилтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Наука, 1988. С. 28-29.
4. Квейле С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003.
6. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.
7. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод в психологии / Под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2005.
8. Шоттер Дж. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 107-117.
9. Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 5-18.
10. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск: Бестпринт, 2000.
11. Янчук В. А. Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности. Сборник научн. трудов / Под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. Минск: БГУ, 2003. С. 175-201.
12. Янчук В. А. Методолого-психологические основания развития психологической науки в культурно-научной традиции постмодерна // Белорусский психологический журнал. 2004. № 1. С. 3-14.
13. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.
14. Янчук В. А. Эволюция метода социально-психологического исследования: от модернистской экстраспекции к постмодернистской диалогической методологии / Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод в психологии / Под ред. В. В. Новикова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 398-410.
15. Янчук В. А. Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. С. 193-206.
16. Blaikie N. W. H. A critique of the use of triangulation in social research // Quality and Quantity. 1991. \bl. 25. P. 115-136.
17. Bradley J. Methodological issues and practices in qualitative research // Library Quarterly. 1993. Vol. 63. P. 431-449.
18. Breitmayer B. J. Triangulation in Qualitative Research: Evaluation of Completeness and Confirmation Purposes // IMAGE: J. of Nursing Scholarship. 1993. Vol. 25. N 3. P. 235-57.

19. *Beyman J.J.* Quantity and quality in social research. London: Unwin Hyman, 1988.
20. *Ceglowski D.* Research as relationship // *Qualitative Inquiry*. 2000. Vol. 6. N 1. P. 88-103.
21. *Coolican H.* Research methods and statistics in psychology. Seventh edition. London: Hodder & Stoughton, 1998.
22. *Duffy M.E.* Methodological Triangulation: A Vehicle for Merging Quantitative and Qualitative Research Methods // *IMAGE: J. of Nursing Scholarship*. 1987. Vol. 19(3). P. 130-133.
23. *Gergen K.J., Gergen M.M.* Toward a Cultural Constructionist psychology // *Theory and Psychology*. 1997. \bl. 7. P. 31-36.
24. *Greene J.C., Caracelli V.J.* Defining and describing the paradigm issue in mixed-method evaluation // *Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating diverse paradigms. New directions for Program evaluation*, no 74 / Eds. J.S. Greene and V.J. Caracelli. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. P. 5-18.
25. *Harkness S., Moscardino U., Moises R., Zilich P.O. et al.* Mixed methods in international collaborative research: The experiences of the international study of parents, children, and schools // *Cross-Cultural Research*. 2006. Vol. 40. N 1. P. 65-82.
26. *Harre R.* The positivist-empiricist approach and its alternative // *Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research* / Eds. R. Reason and J. Rowan. Chichester: Wiley, 1981. P. 20-48.
27. *Holloway /., Todres L.* The status of method: flexibility, consistency and coherence // *Qualitative Research*. 2003. Vol. 3. N 3. P. 345-357.
28. *Macbeth D.* On «reflexivity» in qualitative research: Two readings, and a third // *Qualitative Inquiry*. 2001. \bl. 7. N 1. P. 35-68.
29. *Maxwell J.A.* Reemergent scientism, postmodernism, and dialogue across differences // *Qualitative Inquiry*. 2004. Vol. 7. N 1. P. 35-41.
30. *Mitchell E.* Multiple Triangulation: A methodology for nursing science // *Advances in Nursing Science*. 1986. \bl. 8. P. 18-26.
31. *Morgan G., Smircich L.* The case for qualitative research // *Academy of management review*. 1980. \fol. 5. P. 491-500.
32. *Morse J.* Approaches to Qualitative-Quantitative Methodological Triangulation // *Nursing Research*. 1991. Vol 40. N 1. P. 120-128.
33. *Osbeck L.M.* Method and Theoretical Psychology // *Theory and Psychology*. 2005. \bl. 15(1). P. 5-26.
34. *Pidgeon N., Henwood K.* Using grounded theory in psychological research // *Doing qualitative analysis in psychology* / Ed. N. Hayes. Hove, east Sussex: Psychology Press, 1998. P. 245-274.
35. *Polkinghorne D.E.* Postmodern epistemology of practice // *Psychology and postmodernism* / Ed. S. Kvale. London: Sage Publications, 1997. P. 146-165.
36. *Reis H.T., Judd C.M.* (Eds). *Handbook of research methods in social and personality psychology*. Cambridge: Cambridge university press, 2000.
37. *Robson C.* *Real world research: A resource for social scientists and practitioner-researchers*. 8th ed. Oxford: Blackwell, 1998.
38. *Saucier (7., Goldberg L.R.* Lexical studies of indigenous personality factors: Premises, products, and prospects // *J. of Personality*. 2001. N 69. P. 847-879.
39. *Stevens R.* Trimodal theory as a model for interrelating perspectives in psychology. *Theory and social psychology* / Eds. R. Sapsford, A. Still, M. Wetherell, D. Miell and R. Stevens. London, Sage, 1998. P. 75-83.
40. *Tsourvakas G.* Multi-visual qualitative method: Observing social groups in mass media // *The Qualitative Report* [On-line serial]. 1997. Vol. 3. N 3. Available: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-3/heath.html>
41. *Yauch C.A., Steudel H.J.* Complementary use of qualitative and quantitative cultural assessment methods // *Organizational Research Methods*. October 2003. Vol. 6. N 4. P. 465-481.